

Элиза Малэк

МЕСТО И РОЛЬ СВЕТСКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПРОЗЫ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ РУСИ
XVII - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

За последние два-три десятилетия значительно возрос интерес к древнерусской беллетристике XVII - первой трети XVIII вв. Наряду с новыми исследованиями произведений, введенных в научный оборот еще в XIX или в начале XX вв.¹, появилась целая серия публикаций новых списков известных сочинений² и новонайденных памятников русской оригинальной беллетристики³.

Результаты новейших исследований богатых рукописных собраний СССР позволяют сулить надежду на очередные находки и открытия и,

¹ Ср., напр.: Русские повести первой трети XVIII века. Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой, Москва-Ленинград 1965; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе, Ленинград 1970; Э. Ф о й т и к о в а, Русская бытовая повесть накануне нового времени, Прага 1977.

² См.: Ю. К. Б е г у н о в, Бежецкие отрывки "Повести о Фроле Скобе-еве", "ТОДРЛ", т. XXI, Москва-Ленинград 1965, с. 355-361; Т. В. Р о ж д е с т в е н с к а я, Новый список "Повести о Ерше Ершовиче", "ТОДРЛ", т. XXIV, Ленинград 1969, с. 187-191; Е. К. Р о м о д а н о в с к а я, Повесть о Димитрии Римском, там же, с. 218-222; В. П. Б у д а р а г и н, Краткая редакция Повести у Василии Златовласом, "ТОДРЛ", т. XXXVI, Ленинград 1981, с. 193-208; Н. С. Д е м к о в а, Повесть о Марфе и Марии (Сказание об Унженском кресте) и ее переделки в XVII в. [в:] Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма, Новосибирск 1986, с. 191-208.

³ Ср.: О. А. Б е л о б р о в а, Сказание о богатом купце, "ТОДРЛ", т. XXI, Москва-Ленинград 1965, с. 259-265; Н. С. Д е м к о в а, Н. Ф. Д р о б л е н к о в а, "Повесть о убогом человеке, како от диавола произведен царем" и ее усть-цилемская обработка, там же, с. 252-258; М. В. Н и к о л а е в а, История о гишпанском королевиче Декоронии (первая половина XVIII в.), там же, с. 275-297; М. В. К у к у ш к и н а, Новая повесть о Леопольде и его сестре Маргарите, "ТОДРЛ", т. XXIV, Ленинград 1969, с. 319-324; Е. К. Р о м о д а н о в с к а я, Неизвестная повесть-сказка в рукописном сборнике

следовательно, на дальнейшее пополнение списка произведений светской повествовательной прозы переходного периода от древней русской литературы к литературе нового времени. Благодаря этому создается впечатление, что именно беллетристике принадлежит ведущее место в русской литературе XVII - первой трети XVIII вв., что развитие беллетристики определяет характер литературной культуры того времени. Кстати, именно такое мнение господствует в большинстве учебных пособий по истории древней русской литературы, издаваемых в СССР и за его рубежом⁴.

Но было ли так на самом деле? Можно ли с полной уверенностью говорить о господстве светской повествовательной прозы и тем более прозы с амбивалентными сюжетами⁵, призванной не поучать, но развлекать, в литературе и в читательском репертуаре на Руси XVII - первой трети XVIII вв.?

Положительный ответ на так поставленный вопрос был бы возможен лишь тогда, когда бы мы располагали достаточно достоверными данными о заметном увеличении количества названий и тиража беллетристических произведений на книжном рынке XVII - первой трети XVIII вв. не только сравнительно с предшествующим периодом развития древнерусской литературы, но и по отношению к памятникам церковной письменности, стихотворства и драматургии, созданным в то же время, и даже шире - ко всему потоку текстов, которые были доступны русскому книжнику переходного периода, т. е. практически также к текстам, созданным в более раннее время, но все еще удерживающимся в читательском репертуаре. Одним из аргументов в пользу тезиса о важной роли беллетристики в литературной культуре XVII - первой трети XVIII вв. является включение в рукописные сбор-

XVIII в. - Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири, Новосибирск 1982, с. 234-241; Ю. К. Бегунов, Сказания о черноокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и вновь найденная "История о пане Твердовском", "Советское славяноведение" 1983, № 1, с. 78-90; е г о ж е, Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII в. об Евграфе и Александре, [в:] Русская литература XVIII - начала XIX века в общественно-культурном контексте (XVIII век, сборник 14), Ленинград 1983, с. 207-231.

⁴ Ср., напр.: История русской литературы X-XVII веков, под ред. Д. С. Лихачева, Москва 1980 и сп. издания; История русской литературы в четырех томах, т. I: Древнерусская литература. Литература XVIII века, ред. Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, Ленинград 1980; *Historia literatury rosyjskiej*, Pr. zbior., pod red. M. Jakóbsa, t. 1, Warszawa 1976.

⁵ См.: Истоки русской беллетристики..., с. 572.

ники переводных и оригинальных романов и повестей, появившихся на Руси в XII - XVI вв. (напр., романа об Александре Македонском, "Стефанита и Ихнилата", "Повести о премудром Акире", "Повести о Басарге", "Повести о Дракуле"). Объективная, непредвзятая оценка реального положения вещей должна учитывать и обратную сторону медали, т. е. наличие в читательском репертуаре XVII первой трети XVIII вв. небеллетристических произведений более раннего времени и произведений беллетризованных, но не предназначенных для "неполезного", развлекательного чтения.

Если взглянуть на литературное наследие XVII - первой трети XVIII вв. с этой точки зрения, то картина триумфального шествия светской повествовательной прозы заметно потускнеет. Ибо на поверку оказывается, что подавляющее большинство светских повестей с амбивалентными сюжетами сохранилось до наших дней в уникальных рукописных копиях, а созданные примерно в то же время и переведенные с иностранных языков "духовные", "душеполезные" повести переписывались десятки и сотни раз ("Повесть о царице и львице" дошла до нас в ок. 250 списках⁶, "Повесть преславна и душеполезна о царе Агее" сохранилась в 198 списках⁷, "Повесть о Иуде-предателе" - в 80⁸, "Повесть об Андрее Критском" - в 50 списках⁹, еще большей популярностью пользовались обширные переводные сборники назидательных религиозных легенд - "Велкое Зерцало" и "Звезда пресветлая", которые копировались охотно в полном виде и в извлечениях¹⁰).

⁶ Ср.: Т. Ф. Чалкова, О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице, [в:] Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма, Новосибирск 1985, с. 98.

⁷ Ср.: Е. К. Ромодановская, Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII-XIX веков, Новосибирск 1985.

⁸ Ср.: Н. К. Гудзий, К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском, "Русский филологический вестник", Варшава 1915, № 1, с. 7-9; М. Н. Климова, О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском, [в:] Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма, Новосибирск 1985, с. 42.

⁹ Ср.: М. Н. Климова, Опыт текстологии Повести об Андрее Критском, [в:] Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири, Новосибирск 1982, с. 46-61.

¹⁰ См.: О. А. Державина, "Великое Зерцало" и его судьба на русской почве, Москва 1965; М. Р. Поклонская, Рукописная традиция сборника Звезда Пресветлая, [в:] Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России, Новосибирск 1987, с. 175-192.

И дело тут, разумеется, не только и не столько в притеснениях цензурного характера (хотя вмешательства духовной цензуры, активно борющейся с новыми веяниями в литературе, совсем сбрасывать со счетов не следует), и не в художественных недостатках светской повествовательной прозы переходного периода, так как в единичных экземплярах сохранились как несомненные шедевры древнерусской беллетристики того времени ("Повесть о Карпе Сутулове", напр. известна лишь в одном списке, "Повесть о Фроле Скобееве" и "Повесть о Василии Златовласом" - в восьми, "Повесть о Шемякином суде" - в десяти), так и довольно беспомощные компиляции типа "Повести об Александре и Евграфе" (два списка).

Причину такого положения вещей следует - на наш взгляд - искать в другом. Литературная судьба произведений светской беллетристики XVII - первой трети XVIII вв. была теснейшим образом связана с культурной компетенцией читателей, проявляющейся в умении понимать нестандартные литературные тексты, со вкусами читающей публики, выражающимися прежде всего в отборе текстов для индивидуального чтения, в предпочтении произведений одного жанра произведениям, реализующим требования иного жанрового канона¹¹.

Произведения светской беллетристики (как переводной, так и оригинальной) разрушали господствующие в литературе древней Руси представления о типе литературного героя и способах его изображения, а также о функции письменной литературы в обществе. В самом деле, такие персонажи, как одуроченный судья, незадачливый любовник, хитрая и "упорно глаголющая" жена, изображенные рассказчиком, который любит ловкостью удачников и смеется (иногда добродушно, иногда же с явной иронией) над неповоротливостью обманутых, ничем не напоминали героев житий, проповедей, поучений, летописей и других произведений древнерусской письменности. Никакого душеполезного совета, никакого морального или политического наставления, высказанного автором открыто (в виде поучительной сентенции) или посредством телеологического сюжета, в них не было. Необычными и далекими от традиционных были также герои различных

¹¹ Ср.: J. S ł a w i ń s k i, Dzieło. Język. Tradycja, Warszawa 1974, s. 65-66; W. B o l e s k i, Społeczne ramy lektury, [w:] Problemy wiedzy o kulturze. Prace dedykowane Stefanowi Żółkiewskiemu, Wrocław 1986, s. 355-362.

любовно-авантюрных и любовных "историй", открыто признающиеся друг другу в плотской любви и ради нее идущие на любые жертвы, изображенные без тени осуждения за свои страсти.

В средневековом обществе "ценность имело, - как справедливо указал А. Гуревич, - прежде всего старое, обладающее высокими достоинствами и мудростью", всякое же новшество, "не освященное временем и традицией, внушало подозрение"¹². Помня об этом, нетрудно себе представить реакцию древнерусских читателей, привыкших к серьезному и полезному чтению, видевших в текстах письменной литературы прежде всего "духовный оброк", "духовное брашно" (в XVII в. такое понимание процесса усвоения библейских и святоотеческих текстов читателями подчеркивалось заглавиями произведений: (ср., напр., "Книгу о манне хлеба животного" Сильвестра Медведева, "Обед душевный" и "Вечерю душевную" Симеона Полоцкого или сборник слов, изданный Иверским монастырем - "Брашно духовное"¹³), а не произведения, созданные с целью развлечения, веселого препровождения праздного времени. Не один из них "шарахнулся" в сторону от этого мерзкого новшества, подрывающего всякие устои, всякие традиции, но нашлись и такие, которые стали с любопытством разглядывать это новое и со временем именно ему отдали предпочтение.

Но сколько было на Руси XVII - первой трети XVIII вв. таких любителей и ценителей светской повествовательной прозы, сказать трудно. Полная реконструкция читательских вкусов и интересов, к сожалению, невозможна, так как современный исследователь не может в данном случае опереться ни на высказывания литературных критиков, ни на мемуарные свидетельства реальных читателей, ни на анкетные данные. Единственными материальными документами, проливающими свет на культурную компетенцию и пристрастия читателей, являются рукописные и печатные тексты того времени, их количество и состав, а также (правда, не очень многочисленные) пометы и за-

¹² А. Г у р е в и ч, Что есть время, "Вопросы литературы" 1968, № 11, с. 163.

¹³ Ср. интересные наблюдения С. В. Поляковой о уподоблении усвоения библейских текстов и текстов отцов церкви съеданию и разжевыванию слов в ее статье "Всякого добра добрейша суть книжное поучение" (Об усвоении Аввакумом метафоры съедания слов), [в:] Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции, Москва 1976, с. 188-190.

писи на книгах, часть из которых проливает некоторый свет на восприятие владельцем (а в случае рукописных списков также переписчиком) прочитанного текста, на его отношение к содержанию и форме данного произведения. Огромную ценность представляют также старинные инвентарные описи монастырских, княжеских и частных (келейных, домашних) библиотек, позволяющие хоть частично проследить эволюцию книжных собраний, а тем самым и литературных интересов древнерусских читателей¹⁴.

Данные доступных в настоящее время архивных материалов показывают, что подавляющее большинство читателей XVII - первой трети XVIII вв. не проявляло ни малейшего интереса к произведениям светской повествовательной прозы, довольствуясь чтением традиционного типа: большинство четьих рукописных сборников того времени по своему характеру не отличается от четьих сборников XV-XVI вв.¹⁵ В них мы найдем, в первую очередь, произведения церковно-богословского и церковно-полемического содержания (причем некоторые из них могут иметь беллетризованную форму), произведения исторические географические, статьи по естествознанию, космографии. Занимательное чтение представлено в них главным образом апокрифами и агиографией.

К тому же нельзя упускать из поля зрения печатную литературу, монополию на которую вплоть до петровских реформ имела церковь. Достаточно просмотреть списки книг кирилловской печати, чтобы убедиться в том, что церковные власти хорошо охраняли свои интересы, доставляя на рынок не только книги богослужебные но и четьи, включающие огромное количество произведений исключительно назидательного характера¹⁶. Напомним, что в 1641-1718 гг. вышло в свет 10 изданий обширного сборника литературных сочинений под заглавием "Пролог"¹⁷, что многократно издавались не менее обширные

¹⁴ Существует довольно много работ, посвященных изучению состава библиотек, но рассматривающих книжные собрания скорее с книговедческой, чем с литературоведческой точки зрения. Ср., напр.: С. П. Луппов, Книга в России в XVII веке, Ленинград 1970; е г о ж е, Книга в России в первой четверти XVIII века, Ленинград 1973; М. В. Кукушкина, Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII веков, Ленинград 1977.

¹⁵ Ср. характеристику четьих сборников, данную Р. П. Дмитриевой в ее статье: Четьи сборники XV века как жанр, "ТОДРЛ", т. XXVII, Ленинград 1972, с. 150-180.

¹⁶ См.: А. С. Зернова, Книги кирилловской печати изданные в Москве в XVI-XVII веках. Сводный каталог, Москва 1958.

¹⁷ О литературной стороне старопечатного "Пролога" см.: Литературный сбор-

"Минеи четьи", а также отдельные пространные жития (напр., Николая Чудотворца, Сергия Радонежского и др.), "История о Варлааме и Иоасафе" и многие другие. "Московские издатели, - как пишет А. С. Демин, - обращались "скоротечным типом" ко всему "мирови", ко всему "православному народу" [...]; к тому, кто знатен, и к тому, "аще и в худе доме кто родится"; к тому, кто учен, и к тому, "аще же и не учился"; к тем, которые любят читать, и к тем, которые на чтение "ити отрицаются, мирскими упражняющиеся деянии или паче безделии [...]." Всем вам обще и комуждо особь" предлагалась печатная книга, и именно к "домашней потребе", "не дабы тако в церкви чтенней быти, но еже в домех часто ю читати"¹⁸. (Ситуация светской повествовательной прозы не изменилась и в петровское время, в момент появления книг гражданской печати, так как гражданским шрифтом печатались прежде всего книги научного и учебного характера¹⁹).

Борьба противников "неполезного" чтения с литературными новинками принимала и более изощренные формы. Кроме увещаний не читать "суесловия, зверинцы и басни, паче же и писания человеков плотских мирских или еретиков развращенных"²⁰, книжники старого закала нашли также более действенный способ обезвреживания уже попавших на Русь мирских текстов. Путем более или менее искусного редактирования занимательных повестей²¹, они старались усилить религиозные акценты повествования и придать их сюжетам телеологическое звучание. И если редактор хорошо справился с поставленной задачей, то благочестивая версия могла вытеснить из читательского

ник XVII века Пролог, Русская старопечатная литература (XVI - первая четверть XVIII в.), Москва 1978.

¹⁸ А. С. Д е м и н, Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660-1670 годов (формирование литературы массового предназначения, [в:] Тематика и стилистика предисловий, Русская старопечатная литература (XVI - первая четверть XVIII в.), Москва 1981, с. 223-224.

¹⁹ Ср.: С. П. Л у п л о в, Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалети XVIII в. (проблема сосуществования), [в:] Рукописная и печатная книга, Москва 1975, с. 182-192.

²⁰ Так обращался к читателям переводчик книги "Дезидерий, или Стезя любви божией". Цит. по: Тематика и стилистика предисловий Русская старопечатная литература (XVI - первая четверть XVIII в.), Москва 1981, с. 258.

²¹ Обратная тенденция, т. е. превращение телеологических сюжетов в амбивалентные наблюдается только с 10-20-х гг. XVIII в.

репертуара текст, положенный в ее основу; так случилось, например, с "Повестью о кесаре Оттоне", которую превзошла по популярности созданная на ее основе "Повесть о царице и львице".

Если же переделка не была столь умелой, то "подмены" текстов не происходило. Так случилось с неудачной попыткой превратить "Повесть о Петре Златых Ключей" в агиографическое произведение. В последнем случае не помогло даже предпослание тексту новой версии романа о Магелоне обширного "Предисловия к читателю", излагающего авторские намерения и призывающего "не просто прочитати сию книгу, а со усердием, зане глаголется дверь до способнаго жития, ни на чем токмо, но на спасителевых словах живот чтущаго ю подвергает: еже в бозе надеяться и искати царствия его и правды, - по том вся приложатся имущему. А в печальных не унывати, ниже надеждою и верою ослабевати, наипаче милостиву быти; и милостию сиевою, верою и надеждою себе оградивый, душою и телом здравствуй"²².

У светской повествовательной прозы не было ни меценатов, ни покровителей. Авторы и переводчики беллетристических произведений, предназначенных для занимательного развлекательного чтения, не могли, разумеется, рассчитывать на печатный станок, поэтому единственным способом распространения текстов подобного рода вплоть до половины XVIII в. оставалось их ручное копирование.

Восприятие текстов, предназначенных для развлекательного чтения, осложнялось и тем, что их читатели вынуждены были самостоятельно, без помощи со стороны авторов или поэтик, опознавать жанровую природу и постигать имплицитную поэтику романов и повестей, в то время как литературные новинки вроде стихотворных сочинений барочных поэтов снабжались многочисленными обращениями к читателю, дедикациями и посвящениями, а пьесы для придворного и школьного театров сопровождались пространными прологами или программами, разъясняющими читателям и зрителям сложную образную систему произведений и излагающими замысел автора²³. Со временем

²² Цит. по: В. Ф. Покровская, Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии (К истории переводной литературы XVII в.), "ТОДРЛ", т. IV, Москва-Ленинград 1940, с. 186.

²³ Ср.: Панегирическая литература петровского времени. Русская старопечатная литература (XVI - первая четверть XVIII в.), Москва 1979; Л. И. Сазонова, Театральная программа XVII в. "Алексей человек божий", [в:] Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Еже-

теоретической и практической подготовкой потенциальных адресатов барочного стихотворства и театра стали заниматься школы (напр., Славяно-греко-латинская академия в Москве, духовная семинария в Твери), в которых ученики знакомились с теорией поэтических и драматических жанров и сами на практике пытались подражать образцовым произведениям²⁴. Светская повествовательная проза, не укладывающаяся в рамки барочной поэтики, автоматически исключалась из поля зрения теоретиков и отодвигалась на периферии и даже за пределы "правильной" жанровой системы, а тем самым и за пределы художественной литературы.

Несмотря на столь неблагоприятные условия, светская повествовательная проза все же начинает привлекать внимание русских читателей XVII – первой трети XVIII вв. В начале изучаемого периода – как уже отмечалось – господствуют произведения древней традиции и лишь в самом конце XVII в. появляются рукописные кодексы, предназначенные для любителей занимательного чтения. В самые ранние из них светская повествовательная проза просачивается еще довольно узкой струйкой, а занимательные произведения с амбивалентными сюжетами мирно уживаются в них с назидательными повестями о чудесах, историческими сочинениями и статьями естественнонаучного характера.

От конца XVII в. сохранилось некоторое количество сборников смешанного состава, которые на самом деле представляли собой небольшие рукописные библиотечки для домашнего индивидуального чтения (напр., сборник 70-х гг. XVII в. из собрания ГПБ, Q. XVII, 27, 90-х гг. XVII в. из того же хранилища – ОЛДП Q. 18; сборник конца XVII в. из коллекции БАН 1.4.1 и т. п.). Все они складывались постепенно (по-видимому в течение многих лет) и поэтому хорошо иллюстрируют эволюцию литературных вкусов составителей и владельцев. Самый древний пласт занимают в них произведения старой традиции или произведения, созданные в XVII в., но выдержанные в традиционном стиле (жития, поучения отцов церкви, произве-

годник 1978, Ленинград 1979, с. 131-149; В. П. Г р е б е н ю к, Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром, [в:] Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.), Москва 1976, с. 133-145.

²⁴ Ср.: И. М. Б а д а л и ч, В. Д. К у з ь м и н а, Памятники русской школьной драмы XVIII века (по загребским спискам), Москва 1968.

дения исторические), дальше следуют переводные романы и повести (в сборнике Q. XVII, 27 - "Александрия", "Повесть о семи мудрецах", "Бова королевич" и "История о Апполоне Тирском", в сборнике ОЛДП - повести из "Римских деяний", "Повесть о семи мудрецах", "История о Мелюзине" и "Фацеции", в сборнике БАН, 1.4.1 - "Повесть о семи мудрецах" и т. д.).

К этой группе следует также отнести большой сборник, расплетенный позже на несколько рукописей, получивших в коллекции Ундольского (в настоящее время в ГВЛ) номера 620, 705, 736, 915, 919, 923, 930, 942, 943, 947, который принадлежал во второй половине XVII в. известному поэту-силлабику, монаху Чудова монастыря в Москве Кариону Истоминому. В нем были объединены тексты древней традиции ("Сказание о посольстве Ищеина в Царьград", "Послание к цесарю Максимилиану", "Лаодикийское послание") и многие повествовательные произведения, среди которых видное место занимают литературные "новинки" ("Повесть о Бове королевиче", "Повесть о Еруслане Лазаревиче", "Повесть о семи мудрецах"), объединенные с беллетристикой более раннего времени - "Александрией", "Повестью о Басарге", Троянской "притчей"²⁵.

Сдвиг читательских интересов к светской художественной прозе становится более заметным лишь с конца XVII - начала XVIII вв. Именно тогда наряду с подборками переводных романов, читавшихся, как правило, в среде знатных дворян и работников московских приказов (ср., напр., сборник ГИМ, Забелина 325/226 конца XVII в., включающий романы о кесаре Оттоне и о Петре Златых Ключей, а также "Повесть о княгине Альтдорфской"; сборник ЦГАДА, ф. 181, № 431(865) конца XVII - начала XVIII вв., содержащий романы о Петре Златых Ключей, о кесаре Оттоне, о Мелюзине; сборник БАН, 34.6.52 (Осн. 617) конца XVII в. с "Повестью о кесаре Оттоне" и "Повестью о Мелюзине") стали появляться сборники, в которых светская художественная проза представлена не только переводами и беллетристикой более раннего времени, но и русскими оригинальными произведениями XVII - начала XVIII вв. Судя по содержанию и оформлению, сборники эти предназначались для читателей из демократической среды (купцов, стрельцов, подъячих и т. п.). Показательны-

²⁵ Пишет об этом М. Н. С п е р а н с к и й в статье "Эволюция русской повести в XVII в.", "ТОДРЛ", т. I, Ленинград 1934, с. 149-150.

ми для этой группы можно считать такие сборники, как Буслаевский № 92 (ГПБ, О. XVII.57) и Погодинский № 1773 из собрания ГПБ, а также Муз. № 1388 из коллекции ГИМ и некоторые другие. На их примере легко определить круг литературных интересов и литературных конвенций (в значении, приданном этому термину Я. Слабиньским²⁶), понятных, близких и признанных определенной группой читателей начала XVIII в. Оказывается, что и здесь соотношение произведений, созданных для "пользы", и произведений, написанных ради "удовольствия" читателей, говорит о все еще сильном давлении древней традиции: "полезных" повестей в них значительно больше, чем "неполезных"²⁷, хотя следует одновременно отметить, что среди дидактических произведений важное место занимают духовные повести с хорошо разработанными сюжетами, осложненными многими перипетиями.

Не исключено, что душеполезные идеи, иллюстрирующие определенные тезисы христианской морали (напр., наказание за гордость, тщеславие, за отсутствие веры в беспредельное божие милосердие и справедливость), высказанные в форме сухой заповеди, которую нельзя безнаказанно переступать, стали терять свою убедительность и поэтому авторы назидательных произведений XVII начала XVIII вв. вынуждены были облекать эти идеи в форму занимательных, изобилующих неожиданными сюжетными поворотами, рассказов (ср., напр., "Повесть о гордом Аггее", "Повесть о царице и львице", "Повесть об Андрее Критском"). Усиление сюжетности наблюдается также в агиографии²⁸ и исторических жанрах²⁹.

Изменение "общего подбора статей" в рукописных сборниках происходит, - как было отмечено М. Н. Сперанским, - лишь "к середине XVIII в., особенно во второй его половине"³⁰ и - добавим - в зна-

²⁶ J. S ł a w i ń s k i, Socjologia literatury i poetyka historyczna. - Problemy socjologii literatury, pod red. J. S ł a w i ń s k i e g o, Wrocław 1971, s. 45-47.

²⁷ Ср. интересные наблюдения на эту тему в статье Н. И. Колгуриной, К изучению состава сборника, содержащего Повесть о Горе-Злочастии, [в:] Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России, Новосибирск 1987, с. 198-205.

²⁸ Ср.: П. А. Дмитриев, Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний, Ленинград 1973.

²⁹ Ср.: Д. С. Лихачев, Человек в литературе древней Руси, Москва 1970.

³⁰ М. Н. Сперанский, Рукописные сборники XVIII века, Москва 1963, с. 28.

читательной мере совпадает с изменениями в области репертуара печатной литературы. И если в конце XVII – начале XVIII вв. трудно или попросту невозможно найти в России хоть небольшую группу читателей, для которой светская нарративная проза была бы единственно возможной формой удовлетворения литературных интересов (в библиотеках московской знати рубежа XVII и XVIII вв. беллетристика занимала относительно много места, но рядом с ней продолжала существовать и церковная четья литература, и литература историческая³¹, в сборниках рукописей она читалась бок о бок с житиями святых, назидательными повестями и словами), то во второй половине XVIII столетия можно таких читателей отыскать. К их числу относится несомненно анонимный составитель и владелец сборника из собрания Забелина (ГИМ, Заб. 536)³², подьячий Петр Федоров Межевский, Иван Петров Межевский и его сын Андрей Иванов Межевский, в библиотеке которых сохранились передаваемые от отца к сыну сборники занимательных повестей³³, капрал Преображенского полка Семен Кульбицкий, в рукописной библиотеке которого было много произведений повествовательной прозы³⁴, и многие другие.

И именно против таких и им подобных любителей занимательного чтения, интересы которых учитывались и издателями второй половины XVIII века³⁵, ополчались виднейшие представители русского классицизма с Сумароковым и Ломоносовым во главе, видя в растущем интересе читателей к беллетристике извращение хорошего вкуса³⁶.

³¹ Ср., напр., описания библиотек Д. М. Голицына (1663-1737) и А. В. Волынского в работах известного книговеда С. П. Луппова "Книга в России в первой четверти XVIII века", Ленинград 1973, с. 203-223 и Библиотека Артемия Волынского, [в:] "Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник" 1978, Ленинград 1979, с. 119-128.

³² Описание сборника см. в монографии С п е р а н с к о г о, Рукописные..., с. 32.

³³ См.: И. Ф. Г о л у б е в, Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области. Краткий обзор, Калинин 1960, с. 15.

³⁴ Подробнее о Кульбицком и его литературных интересах пишет А. М. П а н ч е н к о Чешско-русские литературные связи XVII века, Ленинград 1969, с. 132-133.

³⁵ Ср.: И. Ф. М а р т ы н о в, К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. (проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги), [в:] Рукописная и печатная книга, Москва 1975, с. 193-205.

³⁶ Вот как возмущался А. Сумароков на издание очередного романа: "Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целого

Из сказанного выше вытекает, что XVII - первую треть XVIII вв. никак нельзя назвать временем господства светской повествовательной прозы. Против такого тезиса говорит как количество созданных тогда и переведенных с других языков произведений светской прозы, так и реальные возможности их распространения и восприятия.

Eliza Małek

МІЕЈСЦЕ І РОЛА ШВІЕЦКІЕЈ ПРОЗЫ НАРАЦЫЈНЕЈ
В КУЛЬТУРЗЕ ЛІТЕРАЦКІЕЈ РУСІ
XVII - ПІЕРВШЕГО ТРЫДЗІЕСТОЛЕЦІА XVIII ВІЕКУ

W ostatnich latach wydobyto z archiwów pokaźną stosunkowo liczbę nie znanych dotąd zabytków staroruskiej prozy narracyjnej XVII - pocz. XVIII w., co stworzyło aurę sprzyjającą powstaniu przeświadczenia o wiodącej roli tego typu piśmiennictwa w kulturze literackiej Rusi omawianego okresu. Autorka natomiast stara się pokazać, że wprawdzie liczba powstałych wówczas staroruskich utworów, które można zakwalifikować do rzędu świeckiej beletrystyki, jak i tłumaczeń tego typu tekstów, jest większa niż w stuleciach poprzednich, jednakże zarówno możliwości ich rozpowszechnienia ograniczone poprzez brak dostępu do druku i nieprzychylność kręgów cerkiewnych, jak i kompetencje kulturowe czytelników nawykłych do lektury zupełnie innego typu nie pozwalają mówić o wykształceniu się szerszego grona odbiorców beletrystyki wcześniej niż w drugiej połowie XVIII w.

света. Пользы от них мало, а вреда много. Говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время, то есть век наш, который и без того краток. Чтение романов не может назваться препровождением времени; оно погубление времени...", "Трудолюбивая пчела" 1759, с. 374.